

Советские солдаты общаются с мирными жителями. 1945 май

ЖИВОЙ ОТКЛИК

Благодаря Марии Инге-Вечтомовой, на недавнюю публикацию в нашей газете откликнулся житель блокадного Ленинграда, участник Великой Отечественной войны, заслуженный конструктор РФ, Кирилл Васильевич Захаров:

«Уважаемая Мария! С интересом прочёл присланные Вами «Воспоминания блокадных дней» и «Историю семьи...». Я с Лилией Дядицыной почти ровесник, и всё, что написано о её жизни в дни блокады, подходит и для меня, достаточно изменить даты, имена и адреса. Даже гора Парнас мне хорошо знакома: в 1940 году я, 14-летним пацаном, ездил зимой кататься на лыжах с этой горы из Смольнинского района. А стихи «Дети» Елены Вечтомовой напомнили мне мои стихи о работе в мастерской, делавшей рукоятки для гранат.

*С уважением и благодарностью,
Захаров Кирилл Васильевич.*

Примечание: Во время блокады зимой 1941 и 1942 года Кирилл Васильевич Захаров будучи 16-летним парнем работал в мастерской, где делали корпуса для гранат на гидравлических прессах молодые, отощавшие женщины.

МИЛОСЕРДИЕ НА ВОЙНЕ

Летом 2011 года мне выпало счастье познакомиться с двумя необыкновенными людьми – Кириллом Васильевичем Захаровым и Михаилом Фёдоровичем Худолеевым, ветеранами войны. Кирилл Васильевич пережил блокаду, затем воевал, освобождал Украину, войну закончил в Берлине. Михаил Фёдорович во время войны был матросом, участвовал в легендарном Таллинском переходе, его танкер (№ 12) разбомбили, но ему удалось спастись: два часа он плыл до острова Гогланд. В их рассказах меня поразило многое. И страшное страдание, пережитое ими вместе с нашим народом во время войны. И их несгибаемое мужество. Но более всего – удивительное милосердие.

У Кирилла Васильевича во время Таллинского перехода погиб брат – Михаил Васильевич Захаров, служивший на эсминце. Самые страшные месяцы блокады Кирилл Васильевич провёл в Ленинграде. Он вспоминает, как был сбит немецкий самолёт и упал прямо в Таврический сад; помнит трупы немецких лётчиков. Он рассказывал о голоде, испытанном им осенью-зимой 1942 года. Спасло его то, что он пошёл на завод работать. В конце зимы 1942 года его удалось вывезти на Большую землю по льду Ладожского озера. Он рассказывал, как погрузили их в машины, как отправившаяся перед ними машина попала под немецкую бомбёжку и провалилась под лёд, как в ледовой каше плавали вещи и люди, пытаюсь спастись, но увы...

Все это он помнил: и погибшего брата, и умерших от голода друзей и родственников, и утонувших в Ладоге. И всю войну его жгла одна мысль и желание: он представлял себе, как будет мстить, дойдя до Берлина.

И вот он в Берлине. 20-е числа апреля 1945 года. Идут бои за каждую улицу, каждый дом. Гибнут наши солдаты. В один из дней, когда огонь на время стих, Кирилл Васильевич решил подкре-

питься: с утра во рту не было ни крошки – такими напряжёнными были бои. Он зашёл в подворотню одного дома, развернул свой паёк... И вдруг видит, как поднимается крышка канализационного люка, перед ним предстаёт измождённый от голода пожилой немец и показывает на рот: есть, мол, хочу. И Кирилл Васильевич... отломил кусок от своего пайка и отдал ему. Потом откуда-то взялся ещё один немец, молодой, тоже изнемогавший от голода. Поделился Кирилл Васильевич и с ним. В общем, в этот день он остался без обеда. Мстить не состоялась. И нисколько он об этом не жалеет.

...И таких случаев было очень много. Почему немцы столь ожесточённо сопротивлялись, когда война была уже очевидно проиграна? Они боялись, что наши будут поступать с ними так же, как они обходились с нами. И как они были потрясены, когда встречали человеческое и милосердное отношение со стороны советских солдат и офицеров, когда после взятия Берлина было приказано кормить всех (на оккупированной территории СССР немцы принципиально кормили только тех, кто на них работал). И вот ответ на вопрос: почему мы победили? Благодаря воле и вере, силе духа русского народа, укоренённого в столетиях православной жизни. Вспоминаются слова Шамиля в письме Александру II: «Государь, ты победил меня не только силой оружия. Ты победил меня своим великодушием и милосердием». И не случайно Ольга Берггольц говорила о спасённой на войне от смерти человечности. Пройдя тяжелейшие испытания, мы всё же остались людьми, внутренне дорожившими православными ценностями, несмотря на их внешний временный запрет. Этот парадокс чётко определил Александр Твардовский в своей поэме «Василий Теркин»:

В бой, вперед, в огонь кромешный,
Он идёт, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Диакон Владимир Василик, 9 мая 2012 года

ПАСХА В ПАРИЖЕ (отрывок)

Путешественник, оказавшийся на Южном Урале, с удивлением обнаружит, что именно здесь расположены Берлин и Варна. Каково же будет его изумление, когда он узнает, что и Париж тоже находится тут, а не во Франции! Так уж получилось, что уральские казаки, в начале девятнадцатого века осваивавшие здешние места, дали своим поселениям звонкие имена, связанные со славой русского оружия. Вот и попали на географические карты населённые пункты, воскрешающие в памяти громкие победы наших предков — Бородинка, Тарутино в честь сражения за Тарутинский редут, Чесма во славу Чесменского сражения. Ну, а Париж, и заодно с ним Фер-Шампенуаз, знаменуют собой память о весне и Пасхе 1814 года, когда солдатуски-браво-ребятушки закончили свой Заграничный поход и разгромили Наполеона в его собственном гнезде.

... 1 января 1814 года, русская армия под пронизывающим ветром, сквозь дождь и снег переходила мост через Рейн в округе Базеля. Они двинулись на Бельфор, взяв направление на Париж.

«О, Париж! Ах, прекрасная Франция!» — мечтали наши офицеры, но впереди ждало их сильное разочарование. «Жители бедны, необходимы, ленивы и в особенности неприятны. Едят они весьма дурно, как поселяне, так и жители городов; скряжничество их доходит до крайней степени; нечистота их отвратительна, как у богатых, так и у бедных людей. Народ вообще мало образован, немногие знают грамоте...», — писал в своих заметках Н. Н. Муравьев.

Наполеон в спешке стягивал пополнение и к середине января собрал около 175 тысяч необученных солдат. Он призвал своих подданных к народной войне. Тем временем наша армия двигалась по Франции и беспрепятственно брала один город за другим. Таким маршем, пройдя без малого полторы тысячи километров, 8(21) марта она, наконец, встретилась с армией Наполеона у Арси, на берегу реки Об. Первое сражение произошло в шестистах километрах от французской столицы, близ селения Фер-Шампенуаз 13(26) марта. Русско-австрийская кавалерия нанесла поражение

французам, шедшим на помощь к Наполеону. Путь русским на Париж оказался распахнутым.

Штурм начался утром 18(31) марта, а уже в 11 часов утра маршал Мармон известил брата Наполеона Жозефа, формально возглавлявшего битву за столицу: «Я не мог продержаться оборону более двух часов и предупредить несчастье насильственного взятия Парижа».

Император Александр I, отпуская от себя пленного генерала Пейра, велел передать Мармону, что он хочет мирного решения, но готов идти на самый решительный штурм города. Последние выстрелы прозвучали уже на Монмартре. В сумерках русский Император объезжал войска и весело поздравлял их с победой. Капитуляцию подписывали уже в три часа ночи. Битва за Париж была выиграна гораздо меньшей кровью, чем предполагалось. Французы потеряли 9 тысяч погибших, русские — 6 тысяч, австрийцы и пруссаки, как водится, прятаясь за нашими спинами, — 3 тысячи.

Русский император горел жадной мести за сожжённую Москву. Но мстить он собирался совсем не так, как мстили бы европейские вандалы. Он решил наказать французозов полным проявлением истинно православного великодушия.

— Передайте парижанам, — сказал он депутации, — что я не вступаю в их стены в качестве врага, и что от них зависит иметь меня другом.

Он действительно прикладывал все старания, стремясь предотвратить насилие победителей над побеждёнными. Совсем не так действовали войска союзников. Всюду, куда входили прусские и австрийские войска, оставалась выжженная земля, разграбленные и сожжённые дома, обезображенные трупы.

Наполеон оказался в окружении вблизи собственной покорённой столицы. Александр не шёл ни на какие с ним переговоры, требуя одного — беспрекословной капитуляции. 19 марта (1 апреля) 1814 года в Париж вошли русская и прусская гвардейская пехота, кавалерия и артиллерия, батальоны австрийских гренадер и вюртембергский полк, общей численностью — 35 тысяч человек.

Въезд императора Александра I с союзниками в Париж. 1814 г. Художник А. Д. Кившенко.

Русский император открывал торжественное шествие. При нём был будущий покоритель Кавказа генерал Ермолов. Победители вошли в грязное и вонючее Сен-Мартенское предместье. Лишь на Северном бульваре начали попадаться роскошные и богатые дома, улицы, вымощенные камнем. Из окон свисали белые простыни и скатерти, заменявшие собой роялистские знамена. С тех пор белый флаг стал символом капитуляции.

Государь Александр в доказательство своего великодушия отпустил на волю всех пленных. В это время шёл Великий пост, и Александр стремился показать обезбоженной Европе, что он — православный государь. Акт об отречении Наполеона пришёл к на Страстной неделе, когда русский монарх особенно строго постился, готовясь приобщиться Святым Тайн. Вместе с ним строго постилась и вся армия. Пасха наступила 10(23) апреля. В Париже не существовало ни одной православной церкви. На площади Согласия, где был казнен Людовик XVI, воздвигли алтарь, вокруг которого собралась вся русская армия. Семь священников в богатых облачениях совершили богослужение. Многотысячная паства, состоящая из русских воинов, пришедших сюда через всю Европу, грянула: «Христос воскрес! Воистину воскрес!» Французы в ошеломлении и восторге, выпученными глазами взирали на величайшее религиозное действо.

Сегень А. Ю. (Москва)